Пражский земгор: Создание чехословацкого правительства ?

Ivan SAVICKÝ

Édition électronique

URL : <https://journals.openedition.org/monderusse/9432>

DOI : 10.4000/monderusse.9432

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 1 décembre 2005

Pagination : 777-796

ISBN : 2-7132-2057-2

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Ivan SAVICKÝ, « Пражский Земгор: Создание Чехословацкого правительства ? », *Cahiers du monde russe* [En ligne], 46/4 | 2005, mis en ligne le 01 janvier 2005, consulté le 03 septembre 2022.
URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/9432> ; DOI : <https://doi.org/10.4000/monderusse.9432>

Cet article est disponible en ligne à l'adresse :

http://www.cairn.info/article.php?ID_REVUE=CMR&ID_NUMPUBLIE=CMR_464&ID_ARTICLE=CMR_464_0777

Пражский Земгор: Создание Чехословацкого правительства ?

par Ivan SAVICKÝ

| Editions de l'EHESS | *Cahiers du monde russe*

2005/4 - Vol 46

ISSN 1252-6576 | ISBN 2713220572 | pages 777 à 796

Pour citer cet article :

— SAVICKÝ I., Пражский Земгор: Создание Чехословацкого правительства ?
, *Cahiers du monde russe* 2005/4, Vol 46, p. 777-796.

Distribution électronique Cairn pour les Editions de l'EHESS.

© Editions de l'EHESS. Tous droits réservés pour tous pays.

La reproduction ou représentation de cet article, notamment par photocopie, n'est autorisée que dans les limites des conditions générales d'utilisation du site ou, le cas échéant, des conditions générales de la licence souscrite par votre établissement. Toute autre reproduction ou représentation, en tout ou partie, sous quelque forme et de quelque manière que ce soit, est interdite sauf accord préalable et écrit de l'éditeur, en dehors des cas prévus par la législation en vigueur en France. Il est précisé que son stockage dans une base de données est également interdit.

IVAN SAVICKÝ

ПРАЖСКИЙ ЗЕМГОР : СОЗДАНИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ?

Всякая гуманитарная помощь, в которой задействованы явно или скрытно более или менее крупные государственные средства, является не только делом благотворительности, но и политического расчета. Когда дело касается иных государств, чем государство-донор, то в такой гуманитарной акции сталкиваются интересы государств дающего и принимающего. В отношении эмиграции – интересы государства дающего и интересы тех или иных групп эмиграции.

Это можно хорошо продемонстрировать на истории Парижского и Пражского Земгоров. Несмотря на тождественность сокращенных названий – Земгор – дело идет о существенно различных по структуре и первоначальным целям организациях, соответственно сыгравших различную роль в истории послереволюционной российской эмиграции. Моя тема – политическая подоплека Пражского Земгора, она, однако, может быть выпукло обрисована именно в сравнении. Поэтому следует помнить некоторые важные с этой точки зрения моменты в истории Парижского Земгора, хотя ему посвящены гораздо более фундаментальные доклады Олега Будницкого и Поля Робинсона.

Предыстория Парижского Земгора

Земгор оказался удобен для различных целей на чужбине в силу сопутствующей ему почти с самого начала двуликости: по идее это была организация гуманитарная и экономическая, созданная в помощь правительству в трудные годы «Великой войны», но с начала кризиса власти в России в 1916 году она приобрела и значение серьезной внепартийной политической силы.

Это значение Земгор утратил после Февральской революции, когда свобода политической деятельности открыла простор для политических партий и движений, оттеснив на задний план криптиполитический Земгор.

Положение вновь резко изменилось после захвата власти большевиками. Политические свободы были фактически ликвидированы. Эта же участь постигла, правда, и земские и городские органы. 4 (17) января 1918 г. большевистское правительство декретом упразднило центральные земские и городские организации, а их имущество передало в ВСНХ (Высший Совет Народного Хозяйства при Совете Народных Комиссаров). ВСНХ, в свою очередь, 27 марта 1918 г. ликвидировал Земгор, образовав Главный комитет по управлению делами Земгора при ВСНХ.

И тем не менее это вернуло земскому и городскому движению часть политического значения, так как на очередь вновь встал вопрос о противостоянии всей «общественности» «большевистскому самодержавию». После неудачи всех выступлений в центре подавляющее большинство видных земских и городских деятелей перебралось на территории антибольшевистских образований. Однако и там им не удалось развернуть сколько-нибудь широкую экономическую и гуманитарную работу, зато пришлось столкнуться с правительствами как Колчака, так и Деникина.

Характерна история сибирского земства. Сразу после ликвидации советской власти в Сибири начинают возрождаться земские и городские органы, а в сентябре 1918 г. учреждается Всесибирский Союз Земств и Городов (Сибземгор), который не намерен ограничиваться лишь местными делами или определенной областью гуманитарной или хозяйственной деятельности, а желает участвовать и в политической жизни антибольшевистской Сибири.

Однако после прихода к власти адмирала Колчака деятельность Сибземгора постоянно натывалась на ограничения со стороны власти и, в конце концов, Сибземгор превратился в некий придаток к Томскому губернскому земству. Еще хуже складывались отношения между Земгором и властью на Дальнем Востоке. Когда съезд земских и городских деятелей во Владивостоке в январе-феврале 1919 г. отказался ограничиться обсуждением социальных и экономических вопросов, оставив в стороне политические, начальник порта генерал-майор Иванов-Ринов арестовал участников. Омск распорядился большинство арестованных почти немедленно освободить и назначил расследование по этому делу, Иванов-Ринов получил выговор. Но дело было сделано – земские и городские деятели начали вести себя гораздо более осмотрительно.

Аналогично складывались отношения между земскими и городскими деятелями на юге России. Г. И. Шрейдер, один из руководителей Земгора, правда, уже в качестве лидера Юго-Восточного комитета Учредительного собрания, начал издавать в Екатеринославе газету *Родная земля*, но в декабре 1918 г. был арестован, а газета закрыта.

Противостояние земских и городских деятелей и военных властей проявилось и на чужбине почти сразу после эвакуации Русской армии Врангеля и беженцев из Крыма.

Подводя итог, можно сказать, что земские и городские организации и их объединения старались осуществлять хозяйственную и гуманитарную деятельность, однако, революционная ситуация, а затем гражданская война, ограничивали возможности целесообразной и планомерной деятельности в этой области до стабилизации политического положения, причем, стабилизации на базе демократического режима, а не самодержавия или военной диктатуры, которые опасались развития общественной самодеятельности.

В результате, в период с 1916 по 1920 гг. Земсоюз, Согор и Земгор (под разными названиями и в разных комбинациях) постоянно переходили от своей, скажем, уставной деятельности к деятельности политической, причем, не узкопартийной, а к попыткам демократизации того или другого режима, в рамках которого им приходилось действовать. Эта двуликость сыграла решающую роль в судьбе Земгора в эмиграции.

Чего хотела Франция, и чего хотела эмиграция

10 августа 1920 г. Франция признала правительство Врангеля *de facto*. Это было первым признанием русского антибольшевистского правительства за все время гражданской войны, что было связано с развитием событий на польско-советском фронте, где назревал перелом. Но победы поляков не привели к краху большевистской власти, напротив, несколько укрепили ее внутреннее положение.

Французы вскоре осознали, что напрасно поспешили с признанием и после эвакуации Русской армии почти немедленно, уже 30 ноября 1920 г., заявили, что после прекращения борьбы на русской территории считают правительство Врангеля несуществующим, а воинам Русской армии оказывают лишь гуманитарную помощь, как и всем остальным беженцам. Расформирование армии или во всяком случае ее рассредоточение по славянским странам, как предложил генерал Врангель, стало для французов насущной задачей как по политическим причинам – чтобы окончательно избавиться от моральных обязательств к признанному *de facto*

правительству, – так и из опасений вмешательства озлобленной армии в весьма неустойчивое положение в Константинополе, находящемся под союзным управлением. Наконец, *last but not least*, расходы, связанные с содержанием армии и помощью беженцам, стремительно нарастали.

Для расформирования армии и окончательного устранения Врангеля как носителя последней признанной российской власти было желательно, чтобы сами эмигранты во всеуслышание заявили, что его таковым не признают, а армию считают перешедшей в статус беженцев. Французы вместе с тем хорошо знали, что эмиграция стремится создать некий орган, который мог бы считаться представительным. Используя это стремление, французы предложили решение, которое убивало сразу несколько зайцев.

В. А. Маклаков уже 7 декабря 1920 года сообщал Бахметеву в Вашингтон:

Французы обратились к нам с официальным предложением создать комитет, который бы взял в свои руки организацию помощи беженцам Крыма; этот комитет нужен им и как простая техническая, и как моральная помощь поведению их перед парламентом; французы пока что, все-таки же, взяли на себя не дать всем беженцам умереть с голоду. Для этого они тратят деньги, хотя кредита на это не имеют, и очень боятся парламента. Но они думают все-таки, что их положение перед парламентом очень облегчится, если они будут иметь право сказать, что русские, без различия партий, образовали такой комитет, дают в погашение расходов французов на этот предмет все деньги, которыми могут располагать или достать, одним словом, делают все, чтобы им помочь. Этот комитет, по словам французов, будет для них как будто бы символизировать всю Россию в области этого вопроса. Они очень недвусмысленно дали нам понять, что если дела такого комитета пойдут хорошо, то он приобретет такой значительный авторитет в глазах французов, что они будут считаться с этим комитетом, даже и в других вопросах. Вот Вам возможный зародыш и национального комитета¹.

Маклакову не нужно было писать Бахметеву, что основным условием существования и процветания такого комитета является непризнание с его стороны всех органов, созданных Врангелем, как «правительственного» характера (от Делового Комитета до Русского Совета), так и специально занимающихся вопросами устройства эмигрантов на чужбине. Эмиграция в лице планируемого комитета должна была объявить, что не признает за органами Врангеля преемственности власти, не признает Русской Армии Врангеля армией союзного Франции государства (а такие примеры были – бельгийская и сербская армии признавались армиями воюющих сторон и после оккупации Бельгии немцами и Сербии австро-венгерскими войсками, а позже статус союзной армии был признан и за Чехословацким корпусом,

1. Б. А. Бахметев – В. А. Маклаков, «Совершенно лично и доверительно!», *Переписка 1919-1951. В 3 томах*, т. 1, М.-Стэнфорд, 2001, с. 304.

хотя Чехословакия еще не существовала, правда, все это происходило в ходе войны).

Туманное обещание французов, что если дела комитета пойдут хорошо, то «они будут считаться с этим комитетом, даже и в других вопросах», было, в первую очередь, приманкой для эмиграции, мечтающей о признанном органе, представляющем эмиграцию в глазах союзников, а может быть и подстраховкой на случай, если бы леволиберальные и правосоциалистические силы действительно смогли оказать более эффективное сопротивление большевикам, чем Колчак, Деникин и Врангель.

Но такой «гуманитарный» комитет являлся выходом и с точки зрения реалистически мыслящих эмигрантских политиков, так как было совершенно ясно, что чисто политический комитет, который признавала бы подавляющая часть эмиграции, создан быть не может, так как диапазон взглядов в эмиграции от «черносотенцев» до меньшевиков был слишком велик.

Многоликость Земгора как нельзя больше устраивала западных союзников: это был (более или менее) демократически избранный орган, который в настоящем виде был вызван к жизни совместной борьбой с немецкой агрессией, у которого был большой опыт гуманитарной работы, но который в критические минуты был способен выступать и как политическая сила.

К тому же Земсоюз и Согор уже активно действовали в Константинополе, правда, в сотрудничестве с органами Врангеля, хотя далеко не без трений. Образовать поэтому центральный орган с широкими полномочиями и определенной антиврангелевской позицией было по эмигрантским условиям относительно просто.

Поэтому Совещание Послов приветствовало проведение в Париже в конце января 1921 г. съезда земских и городских деятелей, создавшего Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (Парижский Земгор).

В состав комитета входили прежние законно избранные председатели Всероссийских союзов земств и городов дореволюционного и послереволюционного периодов, а также председатели и представители действовавших за границей Временных комитетов этих Союзов. Членами комитета состояли 30 человек, 21 из которых являлись его учредителями².

Хотя это не совсем верно (в состав Парижского Земгора не входил, например, главноуполномоченный Согора с сентября 1914 по апрель 1917, М. В. Челноков), представительность этого органа была гораздо выше, чем успевших уже конституироваться Парламентских Комитетов (декабрь 1920

2. См. статью Е. П. Серапионовой, в самом номере, с. 798

г.), поддерживавших Врангеля, и особенно Комитета членов Учредительного собрания, в котором участвовало всего 33 человека из 56 учтенных в эмиграции членов, не говоря уже о полном составе «конституанты», боровшегося с Врангелем.

Все это повело к решению послов направлять все средства, находящиеся в их распоряжении и предназначенные на помощь беженцам, именно через Парижский Земгор. Это сразу превратило его в наиболее мощную эмигрантскую гуманитарную организацию, оттеснив на задний план Российское Общество Красного Креста, Белый Крест и другие.

Предыстория Пражского Земгора

Отличие от Парижского Земгора бросается в глаза уже когда мы посмотрим на состав его членов-учредителей: это всего девять человек – и все они члены администрации газеты *Воля России*³, газеты, которая более страстно боролась с «большевиками справа», чем с большевиками слева. Недаром Врангель, говоря о «предателях русского дела», неоднократно ставил на первое место *Волю России* в качестве их рупора.

Не менее показательны и биографии учредителей: среди них нет ни одного деятеля, получившего известность благодаря земской или городской деятельности, зато первый председатель, Владимир Михайлович Зензинов (1880-1953), с 1905 г. руководитель Московского комитета эсеров, член восстановленной Боевой организации, арестован, бежал через Японию в Париж. С 1909 г. член ЦК, в 1917 «оруженосец Керенского». С июля 1918 г. в Поволжье, член Комуча, затем член Директории как заместитель Н. В. Чайковского, на этих должностях сотрудничал с Чехословацким корпусом. После переворота Колчака немедленно выслан. Старейшина среди первых пражских земгоровцев Е. Е. Лазарев (1855-1937) занимался революционной деятельностью с восемнадцати лет, с 1874 попеременно то в заключении, то в ссылке, то в эмиграции, вернулся в Россию после Февральской революции, в правительстве Комуча – министр народного просвещения, выехал из Сибири вместе с эшелоном чешских инвалидов в феврале 1919 г. И. М. Брушвит (1879-? после 1945) был одним из первых, связавшихся с чехами – ездил от еще подпольной группы Комуча к генералу Чечеку в Пензу с просьбой освободить Самару. П. Д. Климушкин (1888 - после 1960) до революции не успел получить широкой известности, выбран в Учредительное собрание от Самарской губернии по списку эсеров, активно работал в Петрограде, после разгона Учредительного собрания вернулся в Самару, активный организатор Комуча, стал в нем товарищем

3. Е. П. Серапионова, *Российская эмиграция в Чехословацкой Республике (20 – 30-е годы)*, М., 1995, с. 61.

председателя. Б. Ф. Соколов (1893-?) несмотря на свою молодость успел побывать членом бюро Военной комиссии ЦК ПСР. Отмечу еще, что врач М. П. Полосин (1886-1967) был с 1918 г. врачом Чехословацкого корпуса.

Не имея точных данных об оставшихся трех учредителях Земгора, можно тем не менее дать определенную характеристику всей группе без опасения ошибиться: все это политики, часть даже профессиональные революционеры, мало, а то и вовсе никогда не занимавшиеся ни земской, ни гуманитарной деятельностью. Им и в голову бы не пришло назвать свою организацию Земгором. Но все они были тесно связаны с чешской политикой в Сибири. И есть все основания считать, что образование Пражского Земгора является формой легализации чешской русской политики, проводившейся в Сибири, а затем и в эмиграции с 1918 года. Начнем с того, что по официальным документам Земгора «Объединение Российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике» возникло по частной инициативе отдельных деятелей земско-городских самоуправлений 17 марта 1921 г. Однако в МИД Чехословакии уже 10 марта составлено сообщение об образовании

пражского отделения парижского Союза «Зем-Гора», которое объединяет всех депутатов городских дум и земств, избранных на основании всеобщего избирательного права. Этот Союз имеет целью помочь русским беженцам. Во Франции этот Союз признан главнейшим и верховным органом в вопросе помощи и организации вопросов (sic!) беженцев.

Далее приведен список членов-учредителей, в котором тоже приведено девять имен, но одно не совпадает со списком из архива Земгора. Вместо Ф. И. Колесова указан К. Ландсберг⁴.

Из этого можно сделать однозначный вывод, что название Земгор было принято просто для того, чтобы сохранить внешнее единство действий с французским правительством, которое Парижский Земгор признало «главнейшим и верховным органом в вопросе помощи». Но Парижский Земгор должен был мобилизовать в этих целях русские средства, тогда как пражский полностью финансировало чехословацкое правительство (по данным, опубликованным Е. П. Серапионовой⁵, все остальные поступления за 1921-1925 гг. составили чуть меньше 1%).

Следовательно первый несомненный вывод из сравнения двух Земгоров следующий: Парижский Земгор организован для выполнения сиюминутных задач в области обеспечения беженцев, мобилизации русских средств для этой цели, а в то же время максимального ограничения роли органов

4. Здзенец Сладек, Любовь Белошевская и коллектив авторов, *Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой Республике (1918 – 1939)*, Прага, 1998, с. 22 (далее: *Документы*). Корявый чешский язык и ошибки наводят на мысль, что писал это кто-нибудь из русских чехов из окружения Гирсы.

5. Серапионова, *Российская эмиграция в Чехословацкой Республике...*, с. 66-67.

Врангеля в устройстве эмиграции. Все прочее – в области неопределенно выраженных возможностей. Напротив Пражский Земгор является средством чехословацкого правительства для легализации проведения своей русской политики, выработанной уже в 1918 г. в Сибири, русскими руками, в частности, для сохранения за собой распределения средств на политические и гуманитарные цели.

Чего хотели чехи в Сибири...

Основная установка наиболее ярко выражена в так наз. «Токийском меморандуме» Т. Г. Масарика, переданного американскому послу в Японии в апреле 1918 г. и предназначенного для президента Вильсона. Покидая Россию после годичного пребывания, будущий президент Чехословакии писал:

Все малые нации на Востоке (финны, поляки, эстонцы, латыши, литовцы, чехи, словаки и т. д.) нуждаются в сильной России, иначе они будут выданы на милость и немилость немцев и австрийцев: союзники должны поддерживать Россию во чтобы то ни стало и всеми средствами. После завоевания Востока немцы завоюют Запад.

В условиях гражданской войны, однако, нужно было ответить на вопрос, какую Россию поддерживать. Масарик по этому поводу констатировал, что

монархическое движение слабо; союзники не смеют его поддерживать. [...] Союзники ожидали, что у Алексея и Корнилова будет на Дону большой успех; я этому не верил и отказался с ними соединиться; хотя меня звали сами вожди. [...] Большевики удержат власть дольше, чем предполагали их противники. [...] Полагаю, что коалиционное правительство (социалистических партий и левых кадетов) могло бы через некоторое время добиться всеобщего согласия (большевики должны были бы тоже быть в правительстве)⁶.

Эта установка Масарика не мыслилась как руководство к действию для Чехословацкого корпуса, двигавшегося в то время с Украины во Владивосток. Масарик еще надеялся, что его удастся перебросить на Западный фронт, во Францию. Но в силу стечения многих обстоятельств – отсутствия последовательности и единства действий советских властей, первоначально разрешивших переброску корпуса на Запад, давления англичан, предпочитавших использование чешских частей в России, колебания французов, под командованием которых формально находился корпус, призывов подпольных антибольшевистских организаций оказать им помощь в борьбе с большевиками, желания части чешского командного состава принять участие в разгорающейся в России гражданской войне и

6. Т. Г. Масарик, *Мировая революция. Воспоминания*, т. 1, Прага: Пламя – Орбис, 1926, с. 228.

вплоть до случайностей – Чехословацкий корпус уязв в мае 1918 г. в России и его политическое и военное руководство вынуждено было начать само осуществлять определенную чешскую русскую политику в духе Масарика.

Но и среди чехов не было подлинного единства. Не имея возможности излагать перипетии двухлетней эпопеи корпуса в Сибири, я попытаюсь наметить основные политические вехи сквозь призму действий Вацлава Гирсы, который немедленно после прибытия в Чехословакию стал первым заместителем министра иностранных дел Бенеша, заведующим русскими делами, следовательно, явился воплощением последовательности развития русской политики масариковского руководства. Его недобровольный уход с этого поста в начале 1927 г. знаменует собой конец «политического» этапа помощи. С этого момента политика уже не играет существенной роли в гуманитарной акции.

Характерна и его биография. Гирса родился в семье волынских чехов в Шепетовке 28 сентября 1875 г. Родители послали его учиться в Чехию. Здесь он окончил медицинский факультет Карлова Университета в 1900 г. В Праге он проработал еще два года, но затем вернулся на Украину, где быстро сделал карьеру. В 1910-14 гг. он уже главный хирург Киевской Кирилловской больницы. Вскоре после начала войны он стал членом Чешского комитета, но особой политической активности не проявлял. Только в апреле 1917 г. он избирается от киевского чешского объединения членом, т. наз., Президиальной комиссии Русского отдела Чехословацкого Национального Совета (*Odbočka československé národní rady na Rusi – ОЧСНР*). С этого времени он всецело посвящает себя политической работе.

Характерен момент его активного включения в политику. Это – момент устранения «старых русофилов», ориентирующихся на монархию, и решительной переориентации на масариковское руководство. После Октябрьской революции он на первых порах выступает за сохранение подчинения «законным органам Временного правительства», но одним из первых, разочаровавшись в их дееспособности, предлагает вступить в переговоры с советскими властями о пропуске Чехословацкого корпуса во Владивосток. Это соответствует точке зрения Масарика и он назначает Гирсу представителем чешского войска во Владивостоке. К работе Гирса приступает в апреле 1918 г. с прибытием первых эшелонов Чехословацкого корпуса на Дальний Восток, но еще до этого, 24-25 марта на заседаниях ОЧСНР Гирса, совместно с комиссаром Максой и даже начштаба корпуса русским генералом Дитерихсом, отстаивал необходимость продолжать переговоры с большевиками несмотря на выдвинутое требование разоружения корпуса. Вопреки решительному сопротивлению Б. Павлу и некоторых других было принято решение пойти на частичное разоружение.

Еще характернее его поведение после начала боев между Чехословацким корпусом и разрозненными отрядами советских властей. Тогда еще капитан,

но уже командующий восточной группой корпуса, Радола Гайда с 23 мая начинает развивать стремительное наступление из Ново-Николаевска (Новосибирска) на восток, Гирса стремится воспрепятствовать продолжению боев и обеспечить транспорт корпуса во Владивосток дипломатическим путем. Ему и его единомышленникам из частей корпуса, успевших до конфликта прибыть во Владивосток, удалось договориться с местной советской властью и послать 1 июня совместную русско-чешскую делегацию на фронт для восстановления мира. Советские части, находившиеся в трудном положении, приветствовали попытку урегулирования конфликта и пропустили делегацию, но Гайда ее в свое расположение не допустил. Зная о «примиренческих» настроениях и некоторых других членов Русского отдела Чехословацкого Национального Совета, он даже отдал приказ арестовывать членов ОЧСНР в случае «если они будут во что-либо вмешиваться». Конфликт стал необратимым.

С этого момента и до конца 1918 г. «левый» Гирса и «правый» Павлу действуют совместно в духе директив Масарика, стремясь создать всероссийское левое антибольшевистское правительство, которое могло бы привлечь крестьян на свою сторону, а при условии уступок со стороны большевиков, и договориться с ними.

Их усилия увенчались успехом. На Уфимском Государственном Совещании 23 сентября 1918 г. была создана Директория в качестве всероссийского правительства, в которой большинство было за правыми эсерами. Однако уже прямо в дни Совещания произошел конфликт между относительно левой Сибирской думой и значительно более правым Сибирским правительством в Омске, которое по постановлению Совещания оставалось у власти до организации центрального аппарата управления. Правительство потребовало роспуска сибирской думы, дума же требовала ареста двух «реакционных» министров. Но арестованы были в Омске не указанные министры, а делегаты думы. Чехи предложили оказать помощь Директории, стоявшей на точке зрения думы, даже арестовали одного из обвиняемых министров. Но 25 сентября Директория от их помощи отказалась. Фактически одновременно начали распространяться слухи о готовящемся перевороте. Вскоре прозвучало и имя диктатора, который должен был прийти на смену бессильной и безвольной Директории: адмирал Колчак.

За несколько дней до Омского переворота Колчак, как министр Омского правительства, объезжал войска. Русские офицеры его встречали восторженно, когда же он приехал в Челябинск, где была ставка Чехословацкого корпуса, его ждал гораздо менее теплый прием. В. Гирса и Б. Павлу 14 ноября его даже предупреждают, что если Директория будет свержена, чехословацкие части покинут фронт.

Несмотря на это 18 ноября переворот состоялся. ОЧСНР немедленно протестовал. 21 ноября было опубликовано его открытое письмо Колчаку с требованием восстановления Директории, так как чехи борются за идеалы свободы и демократии, тогда как переворот направлен против этих идеалов. Положение еще ухудшили массовые убийства 22-23 декабря, генерал Сыровы, командующий корпусом, отказывается выполнять приказ об аресте членов Комуча, положение обостряется и только вмешательство министра обороны ЧСР генерала Штефаника и особенно генерала Жанена, главнокомандующего союзными силами в Сибири, позволило удержать чехословацкие части на позициях до их организованной замены в январе 1919 г. и вывести их на «отдых», связанный в то же время с охраной Сибирской магистрали. В этот период вынужденного союза с Колчаком, сопровождавшегося, однако, постоянными конфликтами, мы знаем о работе Гирсы довольно мало. Но с начала ноября 1919 г., когда поражение Колчака и Деникина уже вырисовывается достаточно ясно, он пишет страстное обличение всего режима Колчака и заявляет от имени чехов, что они уже не будут закрывать глаза на происходящие преступления. Заявление опубликовано 13 ноября за подписью Гирсы и Павлу, но все уверены в авторстве Гирсы. Позиция Павлу, выступавшего защитником более тесного сотрудничества с Колчаком, становится решительно неприемлемой и для военного руководства корпуса, и Павлу отозван из Сибири, его пост занимает значительно более популярный Гирса. Он возглавляет ОЧСНР до завершения эвакуации, ведя переговоры как с советскими, так и дальневосточными органами⁷.

Социально-психологические корни установок Гирсы может быть лучше, чем документы, написанные им по русскому вопросу, раскрывает оценка им Пилсудского. Покидая в 1935 году пост посла в Варшаве, который он занимал с 1927 г., Гирса писал, что для менталитета Пилсудского, сохранившегося в правящих кругах Польши и после смерти маршала,

мы навсегда останемся народом низшим, незначительным, народом спекулянтов и финансовых и политических, народом плохо воспитанным, народом Швейков и Пепиков.

В Польше ближе всего к чешскому менталитету «менталитет хлопа [крестьянина]. Но когда он придет пусть не к власти, но хотя бы получит возможность высказаться, пока невозможно предсказать»⁸.

7. Подробно я эти события изложил в работе Ivan Savický, *Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách, 1914 – 1938*, Praha: Academia 1999. Некоторые дополнения заимствованы из Jonathan D. Smele, *Civil War in Siberia. The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918-1920*, Cambridge: Cambridge University Press 1996, которой у меня не было в распоряжении в период написания книги.

8. J. Dejmek, «Závěrečná zpráva vyslance Václava Girsy o jeho varšavské misi», *Moderní dějiny*, 4, 1996, s. 296.

Но менталитет Пилсудского, сына богатого польского помещика, участника «шляхетского», по преимуществу, восстания 1863 г., был близок Колчаку и кадровым военным из его окружения. Поэтому Гирсе гораздо ближе были русские «хлопы», особенно более зажиточные и культурные хозяева богатейшей Сибири, напоминавшие ему родных волыньских чехов, представителей которых он видел в эсерах, а в эмиграции и в демократической части казачества, не афиширующей своих сословных привилегий.

Гирса вернулся в Чехословакию в конце ноября 1920 г. (то есть как раз в то время, когда суда с войсками и беженцами из Крыма бросили якорь на виду от Константинополя) и был сразу назначен заместителем министра иностранных дел. Хотя позиция МИД ЧСР в отношении эмигрантов из России была сформулирована уже в мае 1920 г. без его прямого участия, она несомненно была совершенно в духе его политики в Сибири. Прага должна была стать «центром прогрессивных русских». Под ними подразумевались, прежде всего, эсеры, самые верные союзники чехов в Сибири. И Гирса без колебаний стал главным исполнителем этой программы, а в помощники себе привлек ряд своих единомышленников из Чехословацкого корпуса, например Благоша, который часто упоминается в переписке по освещенному Е. П. Серапионовой «автомобильному делу». Между прочим и это ставилось ему в вину, когда черно-зеленое правительство (коалиция католической народной партии и аграрной) в 1927 г. добилось его ухода с поста заместителя министра иностранных дел и посылки послом в Варшаву.

... и кого и как поддерживали в эмиграции

Пока продолжалось «сотрудничество поневоле» Чехословацкого корпуса в Сибири с правительством Колчака, руки у чехословацкого правительства были связаны. Они могли вывозить из Сибири своих союзников – эсеров, но широкомасштабной помощи оказывать им не могли. К тому же с июня 1919 г. в Праге находился посланник Колчака В. Т. Рафальский, который выполнял и консульские функции. После падения правительств Колчака и Деникина в качестве представителя Врангеля был назначен военный агент генерал М. Н. Леонтьев. Хотя Чехословакия не признала правительства Врангеля, она не могла его полностью игнорировать, пока Франция, ближайший союзник и гарант существования независимой Чехословакии, делала ставку на него.

Тем не менее уже в июле 1920 г. на основании соглашения А. Ф. Керенского с министром иностранных дел ЧСР Э. Бенешем, чехословацкое правительство тайно выделило эсерам крупные средства. В качестве получателя этих средств было на совещании парижских, лондонских и пражских эсеров в Париже 20-26 июля 1920 г. создано «Внепартийное

объединение» из представителей всех внутрипартийных групп эсеров⁹. Затем на совещании в Праге в сентябре 1920 г. был избран Совет и Административный центр. В организационном плане объединения говорилось

Группа, как таковая, никогда не выступает публично и не имеет никакого особого названия и программы [выделено мной – И. С.], вообще группа всячески избегает возможности конкурировать с какими-либо партийными учреждениями, являясь организацией *sui generis* и предоставляя каждому из своих членов полную свободу в его отношениях к партиям.

По данным на 25.11.1920 г., во внепартийное объединение входил 51 человек в Праге и в Париже¹⁰.

Объединение ставило себе целью «организацию и сплочение демократических сил внутри России» для свержения большевиков и развития «принципов мартовской революции 1917 г.»¹¹.

Основная направленность на Россию требовала, прежде всего, создания эсеровской прессы, которая бы затем переправлялась в Россию. Поэтому это подлинно «своеобразное» и своеобразно внепартийное объединение начало финансировать *Волю России* в Праге, *Революционную Россию* в Ревеле (Таллине), *Современные записки* в Париже. Часть средств тратилась на разведывательную деятельность в России и контакты с подпольными группами, причем целью было не «вспышкопускательство», то есть террор или восстания, а постепенное собирание сил.

В задачи объединения входило также информирование союзников, для чего в Париже начал издаваться орган на французском языке *Pour la Russie*.

Гуманитарная деятельность, если ее можно так назвать, поначалу ограничивалась отстаиванием прав русских военнопленных в немецких лагерях, что было связано с усиленной агитацией среди них, чтобы воспрепятствовать набору в армию Врангеля.

Подлинно гуманитарная деятельность началась только с 24 ноября 1920 г., когда *Воля России* опубликовала призыв анонимной «инициативной группы» создать в Праге «Русское трудовое общество взаимопомощи». В архиве «Внепартийного объединения» раскрыта тайна этой инициативной группы: это все то же «Внепартийное объединение», которое через десять дней после начала эвакуации Крыма, то есть в момент, когда стало ясно, что

9. Список участников см. *Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов*, составители С. А. Красильников, К. Н. Морозов, И. В. Чубыкин, М.: РОССПЭН, 2002, с. 713, прим. 6 (далее *Судебный процесс*).

10. См. И. А. Кукушкина, «Путь социалистов-революционеров в эмиграцию (1918-1922)», *Русский исход*, СПб.: Алетейя, 2004, с. 87.

11. *Судебный процесс*, с. 713.

эмиграция увеличится еще на полтора-два тысяч человек, если не больше, начинает, наконец, обращать внимание и на эмиграцию.

Общество, по эмигрантским меркам, невероятно быстро зарегистрировано властями и обрывает сетью полезных для эмигрантов учреждений: клубом, юридической консультацией, бюро труда, основывает три мастерские, а 11 января 1921 г. открывает и дешевую столовую с русской кухней, в которой помимо блинов, пельменей, закусок и чая, подают посетителям и – *Волю России*. Секрет раскрыт уже явно, все это эсеровская лавочка. 28 января на это событие отзывается возмущенной заметкой даже парижское *Общее дело*.

Явная поддержка эсерам не устраивает чехословацкое правительство, это вызвало бы бурю негодования как справа, со стороны партии К. Крамаржа, которая полностью на стороне Врангеля, так слева, где в самой сильной чешской партии, социал-демократической, коммунисты постепенно завоевывают большинство. Русским партнером правительства в его стремлении придать помощи эсерам благовидный вид помощи беженцам безотносительно от их партийной принадлежности становится то же «Внепартийное объединение», в архиве которого значится, что оно организует «отделение Земгора» в Праге¹².

Конечно эпизод со столовой вряд ли сыграл сколько-нибудь серьезную роль в решении чехословацкого правительства создать более «благовидного» получателя чешских средств.

Решающим было то, что эвакуация Крыма создала принципиально новую ситуацию. Было ясно, что на порядок увеличится количество беженцев, которых Чехословакия должна будет принять. Однако если до сих пор значительную часть прибывавших эмигрантов составляли эсеры и другие русские, сотрудничавшие с Чехословацким корпусом в Сибири, теперь был поставлен вопрос о приеме соединений Врангеля. Внутриполитическая ситуация этого не допускала, так как две наиболее сильные партии – социал-демократическая и аграрная – были категорически против. Отказываться же было трудно, так как в рассредоточении армии была заинтересована Франция. Помог случай. Французским генеральным комиссаром в Стамбуле был в то время назначен генерал Пелле, который два года назад работал в Чехословакии и недолго, в период войны с Венгерской советской республикой, был даже командующим чехословацкой армией. Он немедленно согласился с аргументами чехословацкого представителя в Стамбуле и даже выразил сожаление, что Франция впуталась в «авантюру Врангеля». Это произошло 21 марта 1921 г.¹³

12. Кукушкина, «Путь социалистов-революционеров...», с. 88-89.

13. *Dokumenty a materiály k československo-sovětským vztahům*, díl 1, Praha, 1975, dok. č. 357.

Тем не менее принять тысячи новых беженцев было необходимо. Однако пока консульские функции в отношении беженцев в Праге выполняли представители Колчака и Врангеля, существовала опасность, что в Прагу будут поодиночке прибывать в большом числе люди с точки зрения чехословацкого правительства нежелательные. Следует помнить, что у большинства беженцев не было не только заграничных паспортов, но, зачастую, вообще никаких документов. Русские представительства поэтому должны были выдавать какие-то временные документы, подтверждающие их личность. Роль консульств таким образом чрезвычайно возростала.

Хорошо информированная бывшая колчаковская разведка в Лондоне сообщала 28 мая 1921 г., что

Рафальский находится в переписке с генералом Шатиловым, ближайшим помощником Врангеля, устраивал в Праге и вообще в Чехии все задания, которые давались Врангелем, устроил известный обмен письмами между доктором Крамаржем и Врангелем (письма были напечатаны в «Общем Деле»), помогает в получении виз для агентов Врангеля, с одной стороны, и для агентов правых организаций, с другой стороны, что ему нетрудно, так как он является старшиною и председателем клуба дипломатов в Праге.

По сведениям разведки через Прагу налаживается связь между Врангелем и Берлином, готовится издание газеты для борьбы с *Волей России* и т.п.¹⁴

При таком положении настоящей задачей чехословацкого правительства было создание русского консульства из «прогрессивных русских», которые обеспечивали бы визами совсем других людей, чем В. Т. Рафальский. Это и стало первой и главной функцией Земгора, позволило вскоре министерству внутренних дел ЧСР аннулировать документы, выданные миссиями В. Т. Рафальского и генерала Леонтьева.

В циркуляре МВД от 13 августа 1921 г. политическим управлениям земель, на которые тогда делилась ЧСР, утверждалось, что благодаря выданным этими миссиями удостоверениям личности в Чехословакии проживали лица, которые

часто вмешиваются, злоупотребляя предоставленным им гостеприимством, в общественную жизнь, пропагандируя монархизм, а зачастую занимаются и финансовыми или торговыми махинациями, наносящими вред нашим экономическим интересам.

Поэтому выданные указанными миссиями документы объявлялись недействительными, если они не заверены русским отделом МИД, и лицам с такими удостоверениями запрещалось выдавать вид на жительство. Одновременно оно потребовало от местных органов проведения

14. Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы, т. 1, кн. 2, *На чужбине*, М., 1998, с. 46-47 и 49-50.

перлюстрации всех иностранцев, «особенно русских» и высылки не имеющих утвержденных документов¹⁵.

Чтобы избежать подобных нежелательных явлений в будущем, МИД решил выдавать официальные документы прямо или через посредство Земгора, а представителям ЧСР за границей запретил выдавать русским визы без согласия МИД (циркуляр за подписью Гирсы всем представительством в европейских странах, а также в Константинополе и Александрии от 13 августа 1921 г.).

Поэтому Гуревич был совершенно прав, сообщая в Париж, что Пражский Земгор не присвоил себе функций русского посланника. Он был создан правительством, в частности, для того, чтобы ему передать эти функции. Тут прямая аналогия между Парижским Земгором и органами Врангеля – Франция нуждалась в Земгоре (или ему подобной организации) и чтобы ограничить или ликвидировать влияние Врангеля. Конечно, это было труднее, чем ограничить функции Рафальского в Праге. Но и тут аналогия продолжается – ни то, ни другое, полностью осуществить не удалось.

Второй целью создания Пражского Земгора как беспартийной гуманитарной организации было удержать за чехословацким правительством и его союзниками эсерами распределение средств в своих руках, не допустить централизации всех средств, «которые русские могут достать» в руках Парижского Земгора. Тому было несколько причин.

Прежде всего, конечно, желание обеспечивать гуманитарную помощь, в первую очередь, беженцам, проживающим на территории Чехословакии. Обеспечение приличного существования беженцев в Чехословакии должно было, естественно, способствовать восстановлению престижа Чехословакии среди эмиграции, сильно пострадавшего от выдачи Колчака «Политическому центру» в Иркутске, которая вряд ли могла кончиться чем-нибудь другим, чем его гибелью.

Побочной целью было стремление сохранить в своих руках все дела о возможных исках со стороны беженских организаций к Чехословакии. Договориться с Пражским Земгором, полностью финансируемым правительством, было, конечно, проще, чем с заграничными организациями.

Нельзя забывать, что вопрос о взаимных расчетах был наиболее острым и неразрешимым по всем линиям: между Антантой и Советской Россией, которая заявляла, что готова выплатить долги царского правительства, если Антанта возместит убытки, нанесенные интервенцией, между Врангелем и Францией, между Земгором и США. Решения аналогичных вопросов по отношению к Чехословакии могли неожиданно и некстати отразиться на международной арене. Как отмечает В. В. Руднев в письме В. Я. Гуревичу от конца сентября 1921 г.:

15. *Документы...*, с. 25-26.

Спасти на несколько месяцев беженское дело от катастрофы можно при условии получения денег не только от Чехо-Словацкого Правительства, *но и из Америки*, где имеются большие имущества Земского Союза. Причем *положительное хотя бы в принципе решение в Чехо-Словакии, подтвержденное официально*, неизмеримо облегчит хлопоты в Америке.

А в другом месте Руднев подчеркивает, что такой документ имел бы «колоссальное, думаем, даже решающее значение для наших хлопот в Америке»¹⁶. Но Чехословакии было невыгодно создавать такой прецедент для своих союзников, в частности, для Франции, под командованием которой официально находился Чехословацкий корпус. Опасно это было и с точки зрения самой Чехословакии, так как признание одного долга могло повлечь целую серию претензий со стороны других беженских организаций, считающих себя правопреемником той или иной российской, или, как отмечал в переписке Гуревич, протестовать могло Советское правительство.

Юридически Чехословакия, вероятно, могла бы выиграть возникающие дела, так как правопреемство, зачастую, было сомнительным, Чехословацкий корпус был под командованием французов, разные организации, начиная с Комуча, просили вмешаться в русские дела и, следовательно, должны были обеспечить их снабжение и т. п. Однако как и у французов в отношении Врангеля, так и у чехов в отношении Сибири, помимо юридической стороны дела была и моральная, которая могла быть, и действительно была использована. А о том, что с этой точки зрения было далеко не все благополучно, писал заведующий снабжением корпуса майор Ваврох в чешской газете в Екатеринбурге уже в сентябре 1918 г. Констатируя, что части корпуса проводят многочисленные реквизиции, он заявил:

Многие братья [таково было официальное обращение солдат и офицеров корпуса между собой, которое очень напоминало советское товарищи и раздражало кадровых офицеров], как добровольцы, так и офицеры, убеждены в том, что это военная добыча, но в этом они, однако, ошибаются; это имущество не большевиков, а русского народа, и счета за него нам будут предъявлены, впрочем их уже начинают предъявлять¹⁷.

На фоне муссированных слухов о краже чехами чуть ли не всего русского золотого запаса, всякое новое дело грозило подорвать и так уже пошатнувшуюся репутацию чехов среди эмиграции, а между тем в то время почти все считали, что эмигранты скоро вернутся на родину и займут там ведущие посты. Вся концепция Праги как центра «прогрессивных русских»

16. Недатированное письмо, хранящееся в архиве нынешнего комитета Земгор в Courmelles-en-Parisis (Франция). Ксерокопия любезно послана мне Ольгой Борисовной Пишон-Бобринской. Подчеркнуто в оригинале.

17. См. Ivan Savický, *Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách, 1914 – 1938*, Praha, 1999, s. 105-106.

строилась на том, что эти прогрессивные русские станут частью правящей элиты и обеспечат Чехословакии стабильно хорошие отношения с будущей демократической Россией.

Следовательно можно сделать вывод, что тогда как Парижский Земгор был с самого начала организацией по мобилизации сил и средств для гуманитарной помощи эмигрантам с побочной политической целью ограничения влияния Врангеля и созданных им органов на эмиграцию, Пражский Земгор был сначала организацией политической, призванной использовать крупные средства, направляемые чехословацким правительством на поддержку эмиграции для выполнения целей чехословацкой русской политики, которая совпадала, в основном, с целями эсеровской эмиграции.

Замысел и осуществление

Такой характер Пражского Земгора был для эмиграции очевиден и это немедленно породило существенные нападки на него, многочисленные предложения организовать распределение гуманитарной помощи по другим каналам, Красного Креста, какого-нибудь выборного комитета из эмигрантов, находящихся в Чехии, через Согор, который начал действовать в Чехословакии параллельно с Земгором. Все это, однако, в первые месяцы привело лишь к тому, что уже 2 сентября 1921 г. явно непричастного к гуманитарной деятельности В. М. Зензинова на посту председателя сменил В. Я. Гуревич (1876-1940). Он отнюдь не был таким уж «рядовым» эсером, как писали оппозиционные по отношению к Пражскому Земгору *Огни*. Был депутатом Дум во фракции трудовиков, в 1915 г. сослан в Сибирь. В 1917 г. был председателем Красноярского и Ачинского крестьянских съездов, товарищем председателя Всероссийского крестьянского съезда, товарищем министра внутренних дел с июля по октябрь. В Сибири он стал представителем Комуча при Сибирской областной думе, то есть обеспечивал сотрудничество двух организаций, тесно связанных с чехами. Но в конце своей деятельности в России он исполнял обязанности Председателя Дальневосточного отделения Сибземгора и особоуполномоченного последнего.

Но и это не особенно повысило доверие к Земгору. Тем не менее противостоять ему в условиях Праги было трудно, так как только у него находились достаточно крупные средства, предоставленные ему правительством, и только он мог, следовательно, проводить масштабную гуманитарную деятельность.

Но удар по складывающейся монополии Земгора был нанесен с другой стороны. Выяснилось, что в эмиграции второго крымского исхода очень мало сочувствующих эсерам. Попытки В. Гирсы вывезти из

Константинополя только «прогрессивных» русских или собрать в Праге съезд «прогрессивных» студентов приносили лишь скромные результаты. Королевство СХС (Югославия) и Болгария давали приют гораздо большему числу беженцев, масса беженцев скапливалась и в Берлине. Важно было найти какой-то ход, который бы резко поднял престиж Чехословакии среди эмиграции, и он был найден в создании в Праге русских высших учебных заведений и в открытии чешских ВУЗов для русских стипендиатов.

Но инициатива исходила от «правых», по отношению к эсерам, кругов. И они, во главе с правым кадетом, инженером А. С. Ломшаковым, сумели организовать это дело, создали Комитет по обеспечению русских студентов в ЧСР, доведя их численность в течение двух с чем-то лет с 366 до 3 245. *Воля России* повела было страстную борьбу с Комитетом, заявляя, что Ломшаков и иже с ним вводят в Праге «кутеповщину», но их протесты остались безрезультатны. Чешские власти хорошо понимали, что именно деятельность Комитета принесла славу Праге среди русской эмиграции, и основные средства стали направляться ему.

По моим, не претендующим на полную точность, но верно отражающим тенденцию, расчетам доля чехословацких средств поступающих Земгору и Комитету менялась следующим образом:

В 1921 г. (включая ссуду от Легиобанка), примерно, 17-18% от общих правительственных затрат; данных о Комитете нет.

В 1924 г. Земгору примерно 9%, тогда как на Комитет (без Совета профессоров) более 22%.

В 1927 г. Пражскому Земгору менее 1%, тогда как парижскому Земгору еще 1 200 000, т.е. 3,2%, а Комитету 45,7%.

Конечно, падение значения Земгора связано не только с получившей особое значение организацией высшего образования для русских эмигрантов в Праге, которую из-за узости своих партийных установок эсеры организовать не сумели, но это было главным.

Подводя итог всему сказанному, можно утверждать что первично политическое предназначение Пражского Земгора, хотя эта его роль постепенно отходила на задний план, ограничила его возможности и 14 апреля 1933 г. было принято решение о его ликвидации. Парижский Земгор, как известно, существует до сих пор.